

Вычищенный до блеска элегантный чёрный тужель с острым носком отшвырнул железную миску с водой к юноше, стоявшему на коленях. Юноша, униженный, дрожал, склонив голову, лизал воду из миски, с трудом глотая, его взгляд то и дело поднимался вверх, полный страха.

— Хозяин, я...

Объектив резко дернулся. Юноша умолял, подполз к ногам того человека, весь дрожа, попытался расстегнуть его ремень, но тот схватил его за волосы, и раздался крик боли.

— Не трогай меня грязными руками. У собаки должна быть поза собаки. Тебе нравится, когда тебя бьют плетью? Как только плеть касается... ты возбуждаешься и весь дрожишь.

Знакомый низкий хриплый голос — Шэнь Цину не нужно было смотреть на картинку, он узнавал этот голос. Изображение сильно тряслось, было видно только, как юноша лежит на стеклянном столе, красная верёвка врезалась в его шею, его лицо приобрело неестественный румянец, он почти кричал от боли, несколько кровавых полос стекали по его спине.

Лицо Шэнь Цина побелело. Он сидел на кровати в оцепенении, рассеянно глядя на жестокую и откровенную сцену. Он не хотел верить, но его подсознание уже дало ответ: Лу Тяньмин не из тех, кто не способен на такое; напротив, это очень похоже на то, что может сделать Лу Тяньмин.

Жестокость, подчинение и разрушение.

— Хм, прожив с Тяньмином так долго, ты не мог ничего не знать. Это и есть настоящий Тяньмин, — спокойно сказал Мэн Бин, глядя на его побелевшее лицо. — Твои незрелые маленькие уловки рано или поздно ему наскучат.

— Ты думаешь, ты покоришь его? Нет, просто он всё ещё пытается полностью покорить тебя.

— Большое бриллиантовое кольцо, роскошная машина, особняк, жизнь в роскоши — для него это капля в море, он может бросить это тебе, не задумываясь. Однако, пока ты не наденешь ошейник и не покоришься ему по-настоящему, его интерес к тебе на этом закончится. Многие малыши вокруг Тяньмина в конце концов приходят к такому финалу.

— Он... он не такой! Мэн Бин, мы с ним... — Нахмутив брови, Шэнь Цин попытался возразить, но в его голосе уже не было прежней уверенности.

— Дай угадаю, что он приготовил тебе на день рождения? Неужели красивый ошейник? — Играя пальцами, Мэн Бин улыбнулся ему.

Шэнь Цин потерял дар речи. Почему Мэн Бин знает об этом? Он вспомнил ту потайную комнату в кабинете Лу Тяньмина — багровые цвета и подвесные кольца, плети на стене и разнообразные...

— Я угадал. Это его метод. О чём ты мечтаешь? Такой мужчина, как он, абсолютно не способен создать с тобой нормальную семейную жизнь. Он полностью поглощён амбициями и жестокостью.

— ... Ты просто, — изо всех сил стараясь сохранить уверенность, стиснув зубы и пристально глядя на собеседника, сказал Шэнь Цин. — Ты просто чувствуешь, что потерял расположение, он тебя игнорирует, поэтому специально пришёл дразнить меня, говорить такие колкости.

— Он игнорирует меня? — Мэн Бин словно услышал нечто невероятно смешное и фыркнул. — Наоборот.

Он медленно развязал свой шёлковый халат. Элегантный халат соскользнул с его белых плеч, и перед Шэнь Цингом предстала обширная область перекрещивающихся багровых следов от плети. Раны были ещё свежими, извиваясь на белоснежной коже, создавая жестокую и ужасающую красоту.

— Видишь? — Мэн Бин провёл пальцами по своим шрамам, по его щекам пробежала неестественная краска. Он поднял глаза и с улыбкой посмотрел на Шэнь Цина. — Это доказательство того, как он лелеял меня прошлой ночью.

Шэнь Цин механически прошёл через тёмный коридор. Только когда он оказался перед кабинетом Лу Тяньмина, он осознал, что вообще не продумал, как будет спрашивать.

Из кабинета донёсся кашель Лу Тяньмина, и его сердце сжалось.

— Он не просто любовник, он мой хозяин, наш хозяин, мой дорогой. И ты станешь его рабом, рано или поздно.

Соблазнительные слова Мэн Бина, казалось, ещё звучали в ушах. Шэнь Цин словно был ранен, он закрыл глаза, стараясь успокоиться.

Осторожно открыв дверь, он увидел человека, которого никак не ожидал встретить: Лу Цзиньян в чёрном костюме, прислонившись к столу. Лу Тяньмин выбросил шприц в мусорную корзину, откинулся в кресле, медленно потирая виски и глубоко вздохнув. Похоже, отец и сын только что разговаривали.

Но Шэнь Цин заметил лишь одно: у Лу Тяньмина, кажется, снова приступ, и он ввёл то лекарство... Он же предупреждал Лу Тяньмина быть осторожным с собственным сыном! Лу Тяньмин уже проверил лекарство? Он слишком много думает? Странно, Лу Тяньмин излучал высокомерное чувство отстранённости, что Шэнь Цин не мог поверить, будто несколько часов назад они ещё нежно переписывались в WeChat, как все влюблённые...

— Сходи поужинать с Цзиньяном, мне нужно немного отдохнуть, — твёрдо сказал ему Лу Тяньмин, слегка прищурился глазами.

— Что с твоим здоровьем? — Смело перебил его Шэнь Цин.

Раньше он не слишком осмеливался перечить Лу Тяньмину, но сейчас ему было всё равно. Он чувствовал, как лёгкий гнев начинает подниматься.

— Немного устал. Не задавай лишних вопросов, я иду отдыхать в спальню, не нужно идти за мной.

Устал, а вчера ещё так энергично развлекался? Шэнь Цин чуть не выпалил это. Он взглянул на Лу Цзиньяна в серебристо-белом костюме, засунувшего руки в карманы, сжал кулаки и кое-как сдержался.

— Как поживаешь в последнее время?

Спустя мгновение Шэнь Цин крайне неохотно последовал за Лу Цзиньяном через двор, рассеянно слушая его слова. Лу Цзиньян был на голову выше, Шэнь Цин искоса взглянул на

него: президент Лу уже восстановил свой обычный оживлённый и уверенный вид.

Словно смерть Шао Жуфэна уже стёрлась из его сердца. Шэнь Цин невольно вспомнил то ожидающее выражение лица Шао Жуфэна — суррогатное материнство, скоро будет ребёнок, и он ещё умолял его уговорить Лу Тяньмина не переводить Лу Цзиньяна. Шао Жуфэн любил Лу Цзиньяна. А Лу Цзиньян? Он боялся вдаваться в подробности.

— Со мной всё в порядке. А ты, я смотрю, неплохо живёшь, уже оправился, — намеренно сделав акцент на последних словах, сказал Шэнь Цин, постепенно возвращая уверенность.

— Как же, — Лу Цзиньян, казалось, совсем не ожидал, что он осмелится так сказать, свысока окинул его опасной улыбкой, намеренно изображая лёгкую беспомощность. — Я очень скучаю по нему, но не могу всё время погружаться в печаль, в конгломерате ещё много дел.

По сравнению с Лу Тяньмином, занимающим пост председателя, Лу Цзиньян был президентом известной производственной компании под эгидой конгломерата, занимая практическую должность, обычно исполнял обязанности арбитра в конгломерате. За четыре-пять лет тренировок он также приобрёл лёгкость и изящество молодого предпринимателя.

Но Шэнь Цин лишь всё больше настороженно относился к этому человеку. Маска становилась всё толще, с фальшивой улыбкой, но в глубине глаз — холодный Лу Цзиньян был для него слишком незнакомым. Некогда нежный и мягкий, как нефрит, возлюбленный, теперь, в битвах делового мира, лишился мягкости, казалось, полностью отточил свои клыки.

Он ещё меньше понимал: раз Лу Тяньмин знает, что Лу Цзиньян сделал с ним такие... вещи, почему же он поручил Лу Цзиньяну остаться с ним, сопровождать его на ужин и тому подобное? Словно... попустительствовал...

— Зачем ты приехал в Карес?

— Отец поручил мне некоторые дела. У нас у всех свои обязанности, Шэнь Цин. Ты же меня удивил — отец сказал мне, что ты стал снайпером-стажёром в отряде «Адская гончая» и показываешь отличные результаты.

— Хватит, не нужно меня хвалить, — холодно подняв глаза и прямо глядя на него, сказал Шэнь Цин, отмахнувшись от его руки.

Он ни на йоту не забыл, что тот сделал с ним.

— Я ухожу, Лу Цзиньян.

— Не слишком доверяй моему отцу, Шэнь Цин. Он съест тебя и косточек не оставит.

Шэнь Цин на мгновение остановился, угрожающе бросил холодный взгляд на стоящего позади со скрещёнными руками и улыбающегося Лу Цзиньяна, развернулся и вошёл в ресторан. Кивнув нескольким молодым руководителям, он растворился в бурлящей толпе.

Даже теперь, постепенно обретая уверенность, у Шэнь Цина всё ещё было много поводов для беспокойства. Он сидел в шумном ресторане, озабоченно ел омурайс, но не чувствовал никакого вкуса. Исчезновение Айло было одной из очень тревожащих его проблем, и ещё...